

Литературный МАЯК

№ 1
(229)

Выпуск подготовлен при спонсорской поддержке СХПК Комбината **Желчный**

Слово редактору

Любезный читатель, здравствуй!

Вот и шагнули в новый год, перевернули страницу жизни, и хочется верить, что впереди только хорошие, светлые страницы.

А на страницах первого в новом году «Литературного маяка» разные авторы - прозаики и поэты, уже хорошо известные читателям и «новички».

Ксения Бурлак из Сокола сейчас учится в Нижнем Новгороде - поэзию молодой поэтессы отличает искренность и свежесть чувства, уже готовятся публикации её стихов в «толстых литературных журналах». Удачи!

Василий Кияков из Москвы - писатель-философ. Его «ментальные наброски жизни» заставляют читателя думать о многом, о тех самых «вечных вопросах».

Очередной рассказ вологжанки Светланы Чернышёвой - картинка из жизни; картинка, становящаяся символом любви и милосердия.

Стихи Евгения Некрасова неоднократно публиковались в нашей газете, и мы с удовольствием публикуем их снова. В стихах его и судьба, и надежда...

Николай Дектерёв из Шексны, выпускник Литературного института им. Горького, поэт и прозаик, в «Литературном маяке» публикуется в первый, но, думается мне, не в последний раз.

Снова порадовал нас открытием не дальних, а своих, близких, краёв писатель-краевед Александр Кузнецов из Тотьмы. Вот рвёмся куда-то «в заоблачные дали», а столько интересного рядом с нами, и Александр Кузнецов рассказывает об этом.

Валентин Коновалов, уроженец Вологодского района, уже много лет, большую часть долгой жизни, живёт в Липином Бору, но память о малой родине, о детстве и юности живёт в сердце каждого из нас. Об этом его стихи...

И отличные - весёлые и грустные, «деревенские» стихи Сергея Лапина...

Читайте на здоровье, читайте с удовольствием...

**Дмитрий
ЕРМАКОВ.**

Ксения БУРЛАК

«Так хочу я поделиться этой радостью с тобой!..»

На земле небеса...
Нет, не так: на воде.
Так бывает известно когда.

Здесь за храмом - леса,
а в реке кое-где
вместо льда обнажилась вода.

Наша речка скромна,
не тягаться ей с той,
что омыла священную длань.

Но сегодня она
тоже стала святой...
В небо смотрит
квадрат-иордань.

Нимб луны на воде,
точки звёзд чуть видны,
точки вечных начал и концов.

Молчаливо везде;
здесь, под светом луны,
мы не слышим давно голосов.

Но на белом на льду
нам открылись врата,
соверши это таинство, брат.

За тобою пойду
с головою туда -
окунусь в чистый
чёрный квадрат.

ПИСЬМО

Вот бывает так:
живёшь неспешно,
план вперёд
построен на недели.

И одет с иголочки, конечно,
в мыслях носишь
не мечты, а цели.

Эти цепи, может, неизбежны...
Общество диктует:
«статус важен».

Только знай:
тебя я помню прежним,
не владельцем золота
и скважин.

Ты был славным -
солнышко в штанишках,
говоря, немного шепелявил,
что-то рисовал
в любимых книжках,
не любил, чтоб в играх
много правил.

А теперь - другие салки,
прятки...
И не помешало бы тебе
полетать по жизни

без оглядки,
следуя за ветром в голове.

Вспоминай меня,
хоть ненадолго,
с нашими улыбками, слезами...
Старая любимая футболка,
маленький кораблик
с парусами,

яркий змей воздушный
и ракетки;

любопытный
и игривый мальчик,
был ты...

ну не то, чтоб очень меткий:

что ни день -
потерянный воланчик.

Улыбнулся? Здорово!
Ты помнишь.
Радо, помогло тебе согреться.
Не забудь:
ценнее всех сокровищ -
быть чуть-чуть детьми.
Целую,
Детство.

УТРО

В никуда из ниоткуда
(Посмотри скорей вперёд!)
Сочной долькою грейпфрута
Солнце красное встаёт.

Разгоняет холод ночи

Утра тёплая рука,
Разбудить быстрее хочет
И лисицу, и сурка.

Раскидав перин обрывки,
Взялся лучик золотой
Разбавлять туманов сливки
Сладкой алою водой.

Ну, проснись же!
Всё пропустишь!

Не ворчи-ка и не злись.
Отдохнув, пусть наши души
Устремятся птицей ввысь.

Утро - чистая страница,
Свежих чувств и мыслей рой;
Так хочу я поделиться
Этой радостью с тобой!

Василий КИЛЯКОВ

Они нас отмолили... (записки)

ном смысле, пустое...

Сытые и молодые - пускают тысячи и миллионы фейерверков. Старички с замиранием сердца притихли. Новогодние столы у них, ну совсем, совсем небогаты. И летят, летят - взрываются в подлинном смысле - деньги на ветер. Всё-таки, как жelaет чудес, как устаёт от этой однообразной жизни, несправедливости и серой действительности - как устаёт наш народ! И вот - всё разом прорывается к ночи с 31 на 1-е! Какова надежда! Каково волнение! И сколько же выстрелов в небо, темное бездонное ноч-

ное небо необходимо послать, чтобы хоть на мгновение почувствовать себя счастливым? Чем же небо-то виновато?

Стрельба часами напролёт. (И это вместо горячих молитв!). И - сколько этих взрывов-угроз. И все эти взрывы и выстрелы - к престолу Божию, не суррогат ли молитв, на которые мы не способны? (Уж такая эгоистическая, личная у каждого из нас жажда счастья, такая уж саморазрушительная и гнусная потребность: так выразить себя и своё сердце: потратиться на «катушу» хлопушек и вывалить их за два-три дня, сотни и ты-

сячи зарядов, и тем заявить о себе!)

Стремление поразить, удивить всех, даже и самих себя... Откуда это желание? Не оно ли двигало толпами и в 17-18-м годах? Или вот так же, стрельбой, и таким направлением воли - и избавимся и сегодня от безнадеги, нищеты, воровства... и предательства национальных интересов. Взятки и воровство - министров, их заместителей - «вверх», а «внизу» - пьяный шаш и выстрелы третью ночь подряд.

(Окончание на стр. 10)

(Окончание.
Начало на стр. 9)

Невольно вспомнился барон Мюнхгаузен, который вытащил себя за волосы из болота. Но ведь Мюнхгаузен - тот вытащил, а мы не вытащим, нет. Точно не вытащим. И всё кончится опять на «пшик».

Наш ежегодный «майdan» - не угоден Господу Богу - и смешон. Зажёг по пьяному делу, грохнуло, заложило уши - и обомлел. И все обомлели. Вот славно! Бахнуло! Хорошо ещё, если и глаза, и лицо, и руки целы остались. На завтра - больная голова, выброшенные деньги и общее возмущение или восхищение, поражение глупой бессмысленной смелостью доморощенных пиротехников... А этих пиротехников - тысячи по стране, миллионы!

Беда в том, что этот «порыв» к счастью, эта жажда собственного счастья - кажется каждому из нас вполне осуществимой возможностью - и именно в одиночку, а это в корне не так. И весь опыт Православной церкви кричит, вопиёт нам об этом! Только вместе, только желая счастья не одному себе любимому, а всем, целому миру, каждому - равно как и себе, только такая молитва (а не выстрелы хлопушек) спасёт каждого и всех. И именно об этом повторяет церковь, что в вымаливании счастья, Царства Божья участвуют не только собравшиеся в храме, а и ушедшие, и даже будущие поколения...

Жизнь - слишком серьезная штука, для того чтобы растратить всю её без остатка на забавы, на занимательные игрища или сладкое проживание, - за неё, за жизнь, платят смертью. Но люди таковы и были, и будут, пожалуй, всегда, что готовы деньги нести и отдавать только

Они нас отмолили...

(записки)

за «развлекалово». И ясно, что если писать честно, мыслить категориями высшего порядка, посвятить себя безраздельно науке, изобретению или поэзии, то и жизнь доживать придётся в бедности, если не в долгой яме, а именно - без всякого сомнения: тот, кто одарён талантом или духовными силами высокого уровня - никогда не будет богат, уже в силу самого своего существа, так как цель жизни его и его идеи редко бывают увязаны с прибытком для своего кармана.

И всё же всякие «фантазии и фантастика», женские «ироничные детективы», «модерн и постмодерн» - уйдут и забудутся. Забудутся и мириады фильмов, на которые так падают сегодняшней обыватель, смотрящий с гаджетов, на ходу, на бегу все эти бесчисленные сериалы, этот нескончаемый видеоряд хоровод, который не даёт се-

годня остановиться человеку, перевести дух, оглядеться вокруг, вспомнить и переоценить свои отношения с миром, с Богом. Иногда кажется, что все эти фильмы - единственно уловка дьявола, имеющая цель увести от церкви, от спасения, даже просто от размышления о мире, и уже этим одним они вредны и опасны. Сегодня как сто лет назад: лишь только слово с амвона и храм противостоит пустоте, и - в сущности - напрасной по своей безоглядности, бегущей всё успеть и от всего насладиться жизни человеческой.

Вечерняя служба под Рождество. Исповедь. Ходил по полутёмному храму, как по родным местам. В пении хора трогательно ярко вспоминалось из прожитого здесь, в храме. Сколько событий за четверть вековую приходскую жизнь. С каждой иконой что-то связано!

Василий КИЛЯКОВ

У Фёдоровской иконы, вот же тринадцать лет назад - как молвил я Божью Мать о разрешении поздних родов жены. У поминального креста Голгофы стоял на панихиде, когда восемь лет назад ушёл навсегда отец... А вот там, у иконы «Неупиваемая чаша» - тоже было дело... стоял я давным-давно, разбитый и больной по слабости человеческой. И сердцем, и душой болею мы и благодарим всю-то жизнь Всех Святых... Как всколыхнулось вдруг сердце! А вот икона, к которой я впервые приложился тридцать лет назад, когда жена впервые перед венчанием привела меня в храм. Каждый шаг здесь, в храме с чем-то связан. В этом храме венчалась и старшая дочь. Сколько пережито! И как же сомневаться в несомненном, что и сам Бог проживал это всё со мной. А ропот в трудные минуты жизни - есть ни что иное, как несогласие и противопоставление своей воли - воле Божией. Неохотное подчинение приказам воинского начальника - вот что это, неверие, недоверие Отцу. Сомнение в победе, даже противопоставление своей воли - воле Творца. Как будто возможно следствие безо всякой причины! Как будто столько проживает человек, столько смыслов и волнений одолевает, чтобы всё отдать... червям? И только? Как глупо! Все неверующие должны кончать одним и тем же, понимание того, что «в конце дороги - тупик». Полным разочарованием. Но есть же среди них, было - и много

их, таких, которые утверждают, что и атеизм - это религия, их религия. «Не трогайте религию атеистов!»... кричат они. Да никто и не трогает. Не трогайте же и вы нас.

«Не посягайте на нашу свободу!». На «свободу» рисовать шаржи на высшие смыслы жизни миллионов людей - есть (откуда-то взялась «свобода» убивать шаржистов!). Свобода - за свободу, «зуб - за зуб»...

Несомненно, что смертельная кара в этом случае - перебор, но это именно апогей вашей свободы атеизма, за который вы так боретесь. Нет, конечно же, человек - «не шарли». Как можно окarikатурить всё, что видел я, чем внутренне так больно и ярко жил эти тридцать моих лет, как можно надругаться над всем безоглядно дорогим божественным и человеческим, что поддерживало и вело меня эти тридцать лет в храм!

...Здоровенный малый, презирая всех, огромную очередь на исповедь, в пятнистых штанах ОМОНа влез без очереди, никого не спросив, и показалось горько и смешно, что и в Царствие Божье мы лезем как в лавку за снедью... И, кто знает, состоялась бы эта страшнейшая трагедия 17-го года в России, если бы все единодушно, как вот этот парень в портках ОМОНа, все дружно выступили в поддержку веры?... Быть может лишь это главное испытание на веру и верность и не выдержала Россия в 17-м. Выдержать каждому в отдельности - ещё полдела, - а надо выдержать всем.

Литургия в одиночку - возможна ли, есть ли, бывает ли такая? Некоторые священники в разрушенных храмах служили Литургию в одиночестве. И зимой, и летом. Не их ли милостью и героизмом живы все мы сегодня? Бог милостив. Они нас отмолили...

Евгений НЕКРАСОВ

«Без веры нестерпимо жить...»

Так властно покоряет новизна, хоть знаешь, что приестся она скоро! Хмелеешь, как от доброго вина, взбодрённый чувств возвышенных напором.

Восторг от жизни сердце горячит! Душа волшебю крылья обретает и беззаботно в небесах витает. Счастливой птицей над землёй парит...

2016.

ЯНВАРСКИМ ДНЁМ...

Весенне просветлели небеса, осыпав землю вьюжным снегопадом. Невероятно! Просто чудеса: зима с весной красовались рядом!..

Нежданно стайка знойных снегирей метелью солнечной к окошку вдруг прильнула. Опять весна мне нежно улыбнулась,

как лучшему из дорогих друзей!.. Весь день с восторженной прожил душой. Звучал чудесный тихо в ней романс о часе том, в который вдруг порою весна нежданно встрепенётся в нас...

А я и не знал, что ты за меня пред Богом учтиво склоняешь колена и душу спасти мою молишь смиренно, согреть её жаром святого огня...

Сердечной заботы так сладки мгновенья. Спасибо за них тебе, ангел земной! Я нынче живу с просветлённой душой - как будто под звуки церковного пенья...

Как будто прозрев и смысл жизни поняв!..

За счастье считаю тебе поклониться -

так счастлива неба лишённая птица, из плена на волю вдруг снова понав!..

Нине Слабенко

Всякий раз душой светлею, если встречу добрый взгляд. Будто в стынть теплом повеет. Как подарку ему рад!

Так, порой, немного надо, чтоб от счастья воспарить! Мне хватает слова, взгляда, в душу свет способных лить...

Без веры нестерпимо жить. Как и без цели, Отрешённо. Я должен что-нибудь любить. Всем сердцем! Страстно. Непреклонно.

Чтоб пристань у души была в коварства полном жизни море. В любви и вере чтоб наша душа моя приют от горя...

Тлели крыши домов под вечерним закатом. И туман тёк над ними, Как розовый дым...

Я уже это всё прежде видел когда-то - и закат, и туман, и деревню под ним!

Всплыли исподволь в памяти годы былые. И друзья, и места, где пришлось побывать. И обиды, и боль, и мечты дорогие, за которые душу готов был отдать!

Столько милого всплыло, давно позабытого, в час раздумий закатной вечерней порой...

Тлели крыши домов, дымкой розовой крытые. Опалённые пепельно-знойной зарей...

2016.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Морозный похруст первого снежка. Настоем яблок воздух напоённый. Прохладное дыханье ветерка. И я, блаженно в юный снег влюблённый!

Стук удара, визг обезумевших тормозов и потеря сознания...

Вера очнулась на больничной койке. Кругом не было ни души. Лишь одинокая горбатая ива за окном, качаясь и дрожа, протягивала коричневые, изувеченные временем ладошки. Если бы рядом находились люди, Вера непременно узнала бы, что с ней произошло. Но приходилось напячивать беспомощную человеческую память...

Дверь бесшумно отворилась, и в палату вошёл мужчина в белом халате, небрежно наброшенном на угловатые плечи. Он низко наклонился над Вериним лицом. Это было так удивительно, что девушка, почувствовав тепло человеческих глаз, разревелась:

- Что со мной произошло?..

- Поберегите себя, лучше не говорить, - монотонно ответил мужчина. - Пришли в себя - уже хорошо!

И Вера снова осталась одна... Привыкшая надеяться только на себя, она ощутила жгучую беспомощность. Она всегда была лучшей в институте. Однокурсники завидовали ей, потому что она успевала всё. Устроившись на работу, она быстро продвигалась по службе. С таким умом всё нипочём! А сейчас именно светлая голова кружилась и раскалывалась на части.

Время медленно тащило беспомощный день, терзая измученную душу.

Вера вспомнила, что вчера она дочитала книгу с широким деревом на серой обложке... Это была верба, которая своим телом держала опирающуюся

на неё столетнюю мельницу и даже старика... И девушка мысленно увидела родной дом, своих родителей, которые ничего не знали о случившемся... Хотя об этом не знала и она... Мучаясь бесконечными мыслями, девушка чувствовала безнадежность своего положения.

Жизнь! Вот что было необходимо ей сейчас. Правда, жизнь ей нужна была полноценная. В окно по-прежнему стучала ветвями одинокая ива. Как немного и в то же время безмерно много она хотела рассказать...

Мгновенье забывшись оборвал человеческий вой. И сон исчез, вместе с картинами осознанной боли.

Остановив робкий взгляд на койке у дверей, Вера поняла: появилась соседка по заточению. Вой становился сильнее, лежать и ждать девушка уже не могла. Она сорвала белое одеяло и, держась за больничную мебель, сделала несколько шагов навстречу нежданной гостье.

По-дружески тепло, не сказала, а просто выдохнула из последних сил, еле справившись с приступом тошноты и головокружения: «Поговорим!». Старушка лежала на койке, высоко подняв руки, словно готовая сдать любому, кто отреагирует на крик о помощи. И будто в бреду, вскидывая изувеченное

Верба

Фото С. Шадуровой

лицо, рыдала, бормоча: «Ударил... сын».

Вера абсолютно забыла про приступы головной боли, потому что изо всех сил пыталась успокоить старушку.

- Воды, воды... - простонала измученная женщина.

«Ну, где же врачи?» - думала Вера, ощущая свою ненужную беспомощность. Конечно, на больничном столике стоял графин, но до него нужно было ещё дойти... И Вера, которая могла в жизни всё, собралась и стала шагать. Шаг, приступ головокружения, остановка, графин,

вода, обезумевшее сознание и провал... Падала она с измученной улыбкой и огромной силой в руке, держащей стакан.

Старушку выписали раньше, чем Вера пришла в сознание. Врачи объяснили, что сотрясение у бабушки не подтвердилось - обычные синяки.

...Приехавшие родители долго целовали и обнимали любимую доченьку.

- Ну, конечно, он виноват! Всё-таки должен был помочь, раз сбил прямо на пешеходном переходе! - произносила, еле сдерживая слёзы, мать. Внача-

ле Вера расстроилась, но, подумав, сказала себе: «Ушиб головного мозга, перелом свода черепа, размоложение костей - переживём!»

- Мамочка, помогите бабушке! Сын её на улицу выгоняет.

Адрес сразу найти не удалось. Но Вера решила непременно найти старушку. Она написала заявление в полицию. И родители помогли, видно, боялись, что дочка не поправится - отыскали дальних родственников пожилой женщины, которые тоже не прошли мимо большой беды.

За три месяца лечения Вера увидела ещё много человеческого горя. Врачи неустанно пытались доказать ей, что сидение у кровати больных бессмысленно и не нужно, так как её травмы намного тяжелее. В общем, жалели врачи девушку, а она сочувствовала тем, кто болел душой.

А всё-таки... была ещё ива-верба. Пригвождённая корнями к земле, она неподвижно стояла в безветренной тишине. Её тонкие ветки были усыпаны желтоватыми серёжками, похожими на горящие свечи. Раз в году старое сгорбленное дерево превращалось в источник всеобщего людского восхищения. Правда, именно в это восхождение её ветви скрипели и ломались не от трескучего мороза, а от страждущих человеческих рук...

Старая верба имела внутренне свободное счастье, необходимое каждому живому существу, способному любить и жалеть. Она наполняла человеческие души верой в самое лучшее.

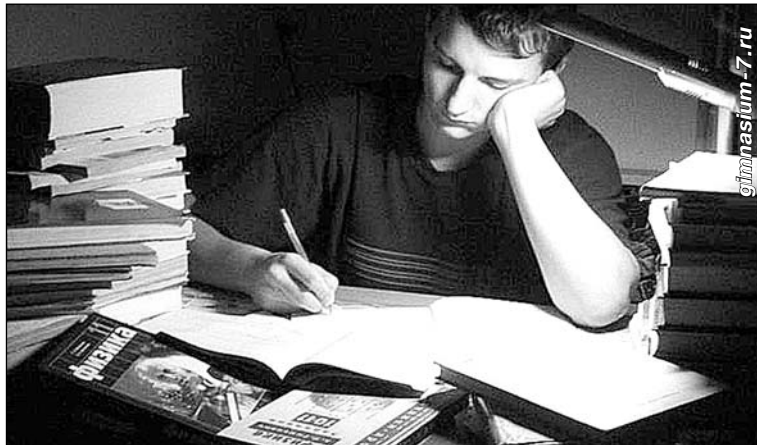
Рядом с могилами моих родителей, слева от черной ограды было позабытое всеми захоронение. На небольшом холмике криво сидело облупившееся надгробье, явно вытасченное сюда с помойки администрацией кладбища. Никаких фотографий и надписей на нем, естественно, не было.

Я знал, кто там лежит. Я видел этих людей, даже общался с ними. Мы жили в одном дворе. Я помнил, что они там лежат. Но кто они такие - вспомнить уже не мог. Ни лиц, ни вообще каких бы то ни было примет.

И вот недавно, когда я снова пришел к папе и маме, я увидел, что на могиле рядом установлен памятник. Новый, чистый, с двумя овалами фотографий, именами и датами. Эти люди - мать и сын - вдруг ожили для меня. Я вспомнил, как однажды женщина - только теперь узнал, что она была с 1920 года рождения! - приходила к нам занимать десятку. Десятка - это тогда было много. Я тогда дал десятку, хотя папа, вроде бы, предупреждал меня, чтобы не давал. А, может, наоборот - говорил, чтобы я не отказывал? Сейчас уже и не вспомнить.

1920 год рождения! Это значит, она войну пережила, будучи уже взрослой девушкой. Это значит, она помнила то, до чего современные историки продираются сквозь дебри интернета и кипы книг! Бесценный опыт, бесценная - по-своему - жизнь. А для меня она была простой алкашкой, живущей в соседнем доме. И у нее был сын - такой же, как она.

Ночь перед экзаменом

gimnasium-7.ru

В тот раз, на кладбище, я и вспомнил день, который... Легче, пожалуй, описать, чем сделать какой-то вывод.

Было лето. Середина июня. Днем лили дожди, а ночью становилось теплее, так что рамы в комнате мы не закрывали. Несколько дней подряд я готовился к экзаменам: зубрил формулы, решал задачи, читал русскую классику к изложению. Хотя так, как я, конечно, никто не готовился: люди обычно делают шпаргалки, читают краткие содержания. Закон сохранения усилий в действии. Но на шпаргалках я боялся запалиться, а краткие содержания навевали сон и только путали все в голове. Приходилось все делать по-своему.

В ночь перед экзаменом - кажется, это была математика - я лег в 2 часа ночи. Встать нужно было в семь. Формулы роились, цифры бегали перед глазами, как заведенные, а кривые синусов и косинусов так сильно змеились перед глазами, что уснуть я не мог. Ворочался в кровати, комкая простыню и нещадно сминая подушку. Мне было то жарко, то холодно, я то раскрывался, то снова закутывался в одеяло и начинал уже паниковать, что поспать не удастся. Наконец, ближе к трем часам меня стало смаривать.

Но около половины четвертого меня разбудил запах дыма.

«Что за ерунда?» - подумал я и, встав с кровати, закрыл

окно. Теперь мой разметавшийся ум стал беспокоить уже этот запах. Но мне не пришлось долго ждать, чтобы узнать причину. Минут через 15 во дворе уже собрался народ и стал громко что-то обсуждать. Я выглянул.

Наша квартира - на четвертом этаже. А в соседнем доме, который стоит впритык и торцом к нам, из форточки первого этажа валил дым. Из подъезда, где находилась горящая квартира, то и дело выбегали люди, а потом забегали внутрь и опять выбегали.

Я стал вспоминать, кто же живет в этой квартире. Долго не мог вспомнить, но потом четко увидел двух людей: там жила мать с сыном, ей было за 60, ему - около 40. Она иногда заходила к нам занять денег. Последний раз - за неделю до этой ночи. Они были пьяницами: она - маленькая старуха с какими-то странными мальчишескими глазами, и он - длинноволосый, высокий, сутулый, широкоплечий мужик, всегда пьяный и всегда небритый.

Наконец, приехали пожарные. Я смотрел на все это и не мог оторваться. И не от любопытства вовсе, а тоже от какого-то страха.

Пришла мама. «Что не спишь?» - спросила она. - «Вот», - я указал ей рукой в окно. - «Ложись, ложись», - сказала она со сдер-

жанной тревогой в голосе, и я послушался. - «Спокойной ночи». «Спокойной ночи», - ответил я. Полежал-полежал и заснул.

Когда я вышел во двор утром, то увидел только, что рамы в их квартире были распахнуты и полностью, как уголь, черны. Я понял, что эти люди погибли.

Я знал тогда, что сдам экзамен на отлично: школе нужна серебряная медаль, учителя помогут, куда же они денутся. Но каким нелепым все это представлялось с утра: сгоревшие люди - и какие-то уравнения, из-за которых нервозность в классе будет дрожать, как натянутая веревка. Учителя будут краснеть, ходить взад-вперед, молчаливо тыкать пальцами мне в листок, показывая ошибку. А мы, школьники - как хорошо, что я не пишу шпор! - будем всеми силами стараться не спалиться на списывании. Как это глупо.

По пути в школу меня догнала одноклассница Наташа.

- Ты шпоры приготовил? - спросила она.

- Нет, - ответил я.

- Как так? - выпучила глаза Наташа.

- А зачем? - спросил я.

- Ну ты вообще, - сказала она и побежала догонять кого-то еще.

А июнь расхотелся всюю. Высыхали лужи, высыхала земля, и покачивались от легкого ветерка ярко-зеленые ветви тополей и берез. Нарядные одиннадцатиклассники подтягивались к школе, неся в карманах, за рукавом, где только можно - шпаргалки. Они хотели прожить без ошибок.

Валентин КОНОВАЛОВ

Память сердца

Мы не могли всего предугадать
И жизнь свою
заранее разметить,
Но нашу школу помнили всегда,
Друзей своих,
разбросанных по свету.

Полвека прошумело
над землёй.
Так много позади
дорог осталось.
И нашей дружбы
не было сильней,
Она за школьной партией
начиналась.

Мы были дети тех военных дней,
Которые, казалось,
всё разрушат.
Лишь доброта и труд учителей
Нам помогли
наполнить верой душу.

Огонь любви,
святую силу слов...
Мы сберегли и смысл их,
и значенье...
Нам дороги старинное село
И Кубенского озера свеченье.

На старой фотографии моей –
Класс выпускной,
до слёз родные лица.
Сквозь строгий, ясный
взгляд моих друзей
Мальчишеское наше
любопытство.

А сверстницы под грустный
«школьный вальс»
Открылись вдруг
таинственно и ново.
Под этот вальс ушёл
наш шумный класс
В большую жизнь
от школьного порога.

Романтики,
давно не слышно вас,
Хотя в душе у каждого звучали
И юных клятв высокие слова,
И чистота признаний
запоздалых.

На перекрёстках судеб и дорог
Не затерялись ваши судьбы,
знаю...
Уж наши внуки
школьный тот порог,
Как мы когда-то,
с грустью покидают.

Пусть колокольчик школьный
известит,
И станем мы
на много лет моложе,
О том, что память
бережно хранит,
И сердце до конца
забыть не сможет...

Казалось давно забытым...
Но память чудесное средство,
Живой водою омытый,
Шагаю тропинкой детства.
Срываю цветы с обочин,
Летят лепестки на ветер.
И снова я счастлив очень,
Как лучшего друга встретил.
Начало начал дороги,
Ты помнишь меня подростком?
Знакомо ли чувство тревоги
Твоим белонгим берёзкам?
Наш край, молодой и древний,
Ты снова меня приветил.
Вся в отблесках зорь деревня,
Единственная на свете.
Никто до конца не сможет
Убить твои запах и звуки.
И, кажется, стал дорожке
Дух детства с тобой в разлуке.

ОТ АВТОРА

Я, Лапин Сергей Александрович, 1941 года рождения, инженер-строитель.

В доброе советское время работал на стройках Вологодского района. Был всегда на горячем ветру. Молочное, Куркино, Кубенское, Осташово, Макарово, Березники, Новленское, Нефёдово, Грибово, Сосновка - остались в памяти моей.

В разгар «перестройки» вышел на пенсию, уехал на малую родину - в деревню Голуби на реке Сухоне. И по рождению, и в жизни остался «колхозником».

В стихах отразил погибель наших деревень.
В 2016 году в Москве издали мою книгу «Это Родина моя».

Передаю в газету «Маяк» стихи - картинки из книги.

ЗАКАТ

Ярокрасный экран
Опадает над лесом
На пушистый туман,
От мороза белесый.
Был закат золотым
От огнёвого блеска.
Переплавился в дым
На краю перелеска.
Снеговую кипень
На мороженой ветке
Поднебесная тень
Крыла чёрною сеткой.

ОТЁЛ

На деревне не многое ново -
Вести ветры и птицы несут.
Отелилась сегодня корова -
Сколько счастья
и радости тут!
Обронила корова телёнка,
Он комочком на сене лежит,
Вроде - нету ни капли
силёнки.
Неужели такой будет жить?..
Отлежался, встаёт на колени,
Вымя тыкает, титьку сосёт,

Тишина на снегу
От дыхания таяла...
Лишь на том берегу
Собачонка пролаяла...

Пляшет зайчиком...
Ну и явлень!
Мать мумукает, песню поёт.

КОРОВА

Корова шла и песни пела,
Она весёлая была.
А ну кому какое дело:
В лесу траву-кипень нашла.
Нашла счастливую поляну...
«Другим коровам не скажу,
На друга ласковее гляну,
Потом телёночка рожу.
Копыта я росой омою,
Цветок лазоревый сорву.
Пьяна водою ключевою,
От счастья мну кипень-траву...»
Жила коровушка счастливо.

Сергей ЛАПИН

Картинки из книги

Кругом цвела кипень-трава,
Сияло солнце шаловливо.
С собой телёночка вела.

Я косил разноцветные травы
От заботы, а не для забавы,
Там, где Сухона
зеркалом стлалась,
И в ней рыба
кругами плескалась,
Там, где солнце
за тучей скрылось,
И трава от дождя
прослезилась.

Я шагал через речки и травы
От заботы, а не для забавы,
Глухариное мерил болото
Там, где змеи боялись чего-то,
Там, где солнце
прожарило север,
И сосна раскудрявила веер.

Откосил разноцветные травы.
Нет заботы. Не надо забавы.
Подошла незаметная старость,
Где больное бессилье
не в радость.

Не поверите! Честное слово!
Будет до смерти жаль мне
коровы...

Александр КУЗНЕЦОВ

Вологодское околородье

Старинное понятие «околородье» теперь уже почти забыто, но в документах XV - XVII веков Околородные волости были у многих городов на Русском Севере - близ Устюга, Сольвычегодска, Тотьмы, Каргополя... Имелось и Вологодское околородье, чье название с многочисленными повторами круглого «о» является своеобразной визитной карточкой нашего «окающего» говора и города.

Границами околородья у Вологды можно считать относительно безлесную территорию вокруг областного центра с примерным радиусом в 10-15 вёрст. Рельеф этой местности представляет собой огромный природный амфитеатр, обращённый к востоку и северо-востоку, в сторону заболоченной Присухонской низины. В этом же направлении стремят своё течение почти все малые и большие реки в пределах Вологодского околородья. Внутри него велика плотность сельских населённых пунктов, крайними из которых ныне можно посчитать Молочное - Ермаково - Можайское - Огарково - Доронино - Борилово. С востока околородье несколько отнесено внутрь круга обширными торфяными болотами.

Система Вологодского околородья складывалась постепенно, вместе с ростом площадей сенокосов и полей вокруг города и деревень. В общих чертах историко-географические границы этой своеобразной территории сложились к началу XVII века. В писцовых книгах Вологодского уезда того времени имеются названия следующих частей околородья: Городской стан, делившийся, в свою очередь, на Пуркаловское околородье (к югу от Вологды) и Троицкий угол (вдоль Московской дороги), Острокотская волость (между дорогами на Тотьму и

Кириллов), Ракульская волость (вдоль Кирилловской дороги) и большая Тошенская волость (по реке Тошне и вдоль дороги на Череповец).

Известный в своё время собиратель народного творчества Н. А. Иваницкий в конце XIX века записал в Троицком углу весёлую песенку о прозвищах жителей некоторых околородных сёл и деревень:

Прилуцкие ребятники,
Слободские забавницы,
Турундаевские носастыцы,
Горошницы, манежницы,
Головинские рукодельницы,
Ершовские бездельницы,
Козинские плетчицы,
Ельшинские тряпчицы,
Лынеские табачницы,
Ребровские лапушки...

Известно, что шуточные прозвища в старину имели жители многих населённых пунктов Вологодчины: скажем, вологжан звали «телятниками» за то, что они «телёнка с подковою съели», тотмичей - «кочанниками» за то, что капусту на продажу выращивали, а устюжан - «рожечниками» за то, что сладко на берестяных рожках играли... Не обошла эта традиция и деревни Вологодского околородья. В песенке, записанной Н. А. Иваницким, прозвища, приятные и не очень, получила только женская часть Троицкого угла. До наших дней дожили сёла Прилуки и Турундаево, превратившись уже, по сути, в пригороды Вологды. Козино, Ельцыно и Реброво сто-

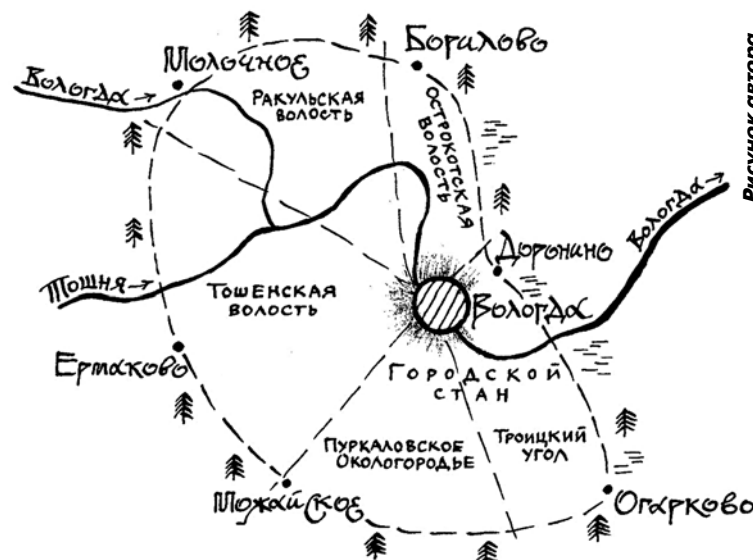

Рисунок автора.

ят вдоль грязовецкой дороги до реки Лосты. По соседству с Козиным, но ближе к городу, была когда-то и деревушка Головино. В списках населённых мест начала прошлого столетия можно отыскать и Слободу, и Лынёво, и Ершово...

География шуточной народной песни не случайна: деревни околородья перечисляются в ней в направлении с севера на юг, вдоль окраины Вологды. Поющие эту песенку как бы мысленно переходили от села к селу, «обзывая» прекрасную половину населения... Кому как, а мне больше всего понравилась прозвища слободских да ребровских молодок - «забавницы» да «лапушки»...

В писцовых книгах Вологодского околородья можно отыскать имена крестьян, основателей деревень. Так, под 1544 годом значатся в документах такие строки: «Деревня Трегубово, а во дворе Михаила Трегуб»; или - «Деревня Барда-

ков Двор, а в ней Неклюд Бардак». Соответственно, и названия других околородных деревень происходят от имён и прозвищ вологодских крестьян: Борилово - от Борило, Ермаково - от Ермак, Доронино - от Дороня, Реброво - от Ребро, Огарково - от Огарок, Турундаево - от Турундай...

Сегодня, употребляя в устной и письменной речи топонимы околородья, мы не задумываемся, что за ними стоят наши предки, своим нелёгким трудом превратившие дремучие леса вокруг города в сельскохозяйственный оазис.

Город и околородье всегда были тесно связаны друг с другом незримыми нитями. Вологда росла за счёт уменьшения околородных деревень, а то и просто «поглощая» их и преобразуя в новые микрорайоны. Околородье же исправно поило и кормило горожан, а те были не прочь заполучить на этих землях «дачки» на 6 соток...